Доказательство существования Бога

Сурин Сергей Юрьевич

Август 2026

> 12. Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном?
>
> Ев. от Иоанна 3:12

Аннотация

На основании новой системы метафизических категорий, разработанной автором в его работе «Метафизика достоверного» [1], произведён анализ понятия Бога как предельного существования.

Показана необходимость источника существования чего-либо как СМЫСЛА вневременного и внепространственного противоречия невозможности абсолютного Ничто.

Пространство и время представлены как формы интерпретаций существования.

Показана ограниченность доказательств основанных на традиционной метафизике бытия и сущего.

Произведён анализ базовых христианских идей как репрезентации формы предельно существующего СМЫСЛА.

1 Постановка предельного вопроса

Приступая к заявленной цели, нельзя не помнить обо всех многочисленных и безуспешных попытках доказать существования Бога за последнюю тысячу лет. Что же обрекало их на неудачи?

Постановка вопроса, - что (или кто) есть Бог, каково Начало всех начал, Кто сотворил Творца? и т.п.

Все эти вопросы неявно полагали Бога неким объектом исследования, помещая Его в череду причинно-следственных отношений, тем самым определяя Его место в нашем пространстве и времени.

Бог же интуитивно своей атрибутикой в развитых религиях полагался надпространственным и вневременным, что и приводило доказательства к краху.

Следовательно, предстоит найти предельную постановку вопроса, избегающую подобных и неявных предположений.

И первое, в вопросе не должно быть слова «Бог», которое и делает из Него субъекта или объекта анализа. На самом деле, мы ещё не понимаем его смысла, не знаем можно ли к Нему прикреплять атрибутику какого-либо субъекта или объекта.

О чём же тогда говорить?

Второе, остаётся одно – говорить о существовании. О достоверном существовании. А самым достоверным для человека может быть только его собственное существование. Возникает забытое «cogito ergo sum» (мыслю, следовательно, существую), что вновь неявно навязывает исследованию субъекта существования, наше я.

Это сразу не подходит к нашей цели, т.к. предполагает атрибутику «я» – мыслить и существовать. Существование должно быть не свойством или атрибутом, а начальным истоком исследования, по возможности, быть ни предикатом, ни субъектом.

Но сама грамматика языка не предоставляет подходящего инструмента для корректного выражения подобного существования. Поэтому мы будем говорить о существовании вообще чего-либо, избегая привязки к нашему «я», которое, как ни странно, не более ясно, чем слово «Бог».

Что же мы можем спросить о существовании вообще? «Откуда?» и «как?» не подходят, по той же причине пространственно-временных отношений. Остаётся одно – «почему?». На что должно указывать это «почему»? Логика оставляет нам только одно – на полное противопоставление существованию вообще, на абсолютное Ничто. Не на пустоту, пустота это отсутствие чего-то, а это не Ничто.

Указывать на Ничто как на предельную абстрактность родственную абстрактности существования вообще.

Итак, мы получаем вопрос в формулировке Мартина Хайдеггера.

«Почему вообще существует что-то, а не есть абсолютное Ничто?»

«Что-то» и «есть» должны мыслиться не субъектом и предикатом, а синонимами существования вообще, вне субъект-объектного представления!

2 Что можно доказать о предельном существовании

Подобное начало приводит к тому, что сам этот вопрос являет собой неизбежное противоречие.

Если абсолютное Ничто реализовано или «есть», то это уже не Ничто, а Нечто реализованное. Вопрос сам, своей постановкой, даёт заложенный в нём ответ на самого себя - абсолютное Ничто невозможно.

Следовательно, существование необходимо потому, что абсолютное Ничто не возможно!!

Или в религиозной терминологии, Бог существует, т.к. Он не может не существовать. Бог уже не всемогущ, а ограничен этой невозможностью своего Небытия.

Существование вообще или то, что существует на самом деле (вне пространства и времени, иначе Вечность), должно с необходимостью, обратная сторона невозможности абсолютного Ничто, быть этим самым противоречием. Противоречием с достоверностью осуществляемым сейчас и здесь нашим мышлением. Тем, что мы называем рефлексией самосознания, а это и субъект, и объект, и не то, и не другое, равно и одновременно. Предельное существование проявляет себя как СМЫСЛ, ТОЛК, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ПАМЯТЬ (но не временной последовательности) самого себя в ином от себя (невозможность Ничто), устраняемое в этом толкование! В моей работе «Метафизика достоверного» [1] (МД 1996) я это назвал «забвением в памятовании».

Устраняемая из интерпретаций невозможность Ничто (существование как действие этой интерпретации) выявляется необходимостью смыслов или их значимостью. Или принуждением к жизни.

Формальная сторона СМЫСЛА это ПРОТИВОРЕЧИЕ, содержательная сторона - ТРАГЕДИЯ невозможности своего Небытия, своей ограниченности этим принуждением. Противоречие и трагедия СМЫСЛА едины, как некий сверх-индексал (см. ниже по тексту), где форма и содержание не представимы и немыслимы друг без друга.

ТРАГЕДИЯ СМЫСЛА и движет к разделению формы и содержания во всевозможных интерпретациях существования, пытаясь как-то снять принуждение к существованию в конечности смыслов (их смерти) разделённой формы и содержа-

ния – действия и его представления как совершённого в действии.

Так возникает репрезентация СМЫСЛА в различных разделённых формах существования.

Говоря нашим языком субъект-объектных отношений, существование чего-либо вообще должно иметь «природу» нашего сознания.

Но это не наши вербально акцентированные смыслы и интерпретации, это ещё и их **возможность быть смыслами**, т.е. самими формами интерпретаций предельного существования. Формы, которые сами для себя являются их содержанием, - так можно истолковать в нашем языке. Ближе всего к ним подходят наши логические формы необходимости вывода (действия) вне их символьного или словесного обозначения. То, что в религиозном языке выражается в максиме – «и сказал да будет свет, и стал свет». Невозможно Ничто и. . . – стало Существование (без всякого «и», т.к. мы ещё не говорим о времени и последовательности)!

«Сказанное» (смысл) и «осуществлённое» (действительность) неразделимы в предельном существовании.

В том коренное отличие от нашего сознания.

Наше сознание и его формы интерпретации существования – время и пространство (МД [1]), частное отражение этого существующего на самом деле. У «предельно существующего» могут быть множество иных форм недоступных нашему выражению в наших смыслах.

Наше я (сознание) и наше тело (материальный мир) как раз и указывают на две гетерономные формы (МД [1]) интерпретации нашего существования в нашем мире, на время и пространство.

«Я» (время) говорит о внеположности оснований существования ему самому, об абсолютном и недостижимом Ничто.

«Тело» (пространство) или материальный мир интерпретирует эту невозможность Ничто отсутствием чего-либо в мире, т.е. пустотой или вместилищем для Нечто существующего, - демонстрируя эту невозможность необходимостью законов по которым являет себя Нечто существующее в нашем мире.

И это на самом деле «предельно существующее» мы именуем Богом.

А) Гетерономные формы толкования существования и субъектность

Теперь поговорим об этих двух гетерономных формах интерпретаций существования, о времени и пространстве, т.к. только они нас связывают с Богом.

Эти две формы должны репрезентировать (МД [1]) в своём содержании вневременное противоречие нашего предельного вопроса. Т.к. именно это противоречие является действующей силой их смысла, т.е. их СМЫСЛОМ.

Невозможность абсолютного Ничто с необходимостью представляется в их содержании конечностью истолкованного в них существования, началом и концом, Рождением существующего, и Смертью существующего, - демонстрацией устранения (конечность, смерть) одной гетерономной формы в содержании другой.

В «Метафизики достоверного» [1] эти формы интерпретации существования как некой значимости (здесь возникает связь между формой и её содержание, происходит то разделение формы и содержания, что отличает нас от «предельно существующего»), именуются мной гетерономными формами. Так как утверждение одной происходит путём вытеснения из содержания (или забвения) другой.

Время, в его содержательной части, мыслится как длительность. Пространство (протяжённость) как едино (точечно) представленное, как некая перцепция.

То, что разделяет форму и содержание, не разделённые в предельно существующем, выступает неким «Я - Логосом» - действием этих интерпретаций помимо их содержания, формой субъекта и объекта, имея тот же исток в предельно существующем.

А устраняемое действие разделённой интерпретации, соединяющее форму с её содержанием, мыслится как Нечто устраняемое в содержании интерпретации. Чьё устранение в интерпретациях проявляет значимость всего существующего в мире. В религиозной трактовке – устранённое присутствие Бога, которое именуется Святым Духом. Поэтому Бог молчит (устранился после создания мира), поэтому нельзя увидеть Бога и не умереть, т.к. проявление Его обессмысливает значимость существующего.

В) *Возникновение содержания*

Таким образом, из чистой формы, без живущего «Я - Логоса», устраняемого в содержании как действие интерпретаций, никакое содержание возникнуть не мо-

жет. Никакой мир, никакая Вселенная, даже как сингулярность, Большой Взрыв, флюктуация и т.п. возникнуть и существовать не может.

Попытка Рассела и Уайтхеда вывести из чисто логических форм примитивное содержание, что $1 + 1 = 2$, растянутое на сотни страниц «Principia Mathematica», оказалась безуспешным, имея в виду, что в их теории типов возникла аксиома сводимости.

Альтернативная идея Рамсея, что во множественных структурах полный хаос невозможен, т.е. всегда появляется некая осмысленная структура, ничего в нашем предположении не объясняет, а только констатирует наличие какого-либо содержания всегда и всюду, а не его вывод из формы. Т.е. всегда и всюду присутствует некое неявное осмысляющее «Я - Логос», то, что связывает множественный мир с предельно существующим.

Никакое содержание формы невозможно без этого « Я - Логоса», ничто не может существовать как нечто представленное в мире без Некоего осознающего это представление.

С) Пространственное толкование существования

И это «Я - Логос» должно быть одним и тем же для всего множественно существующего, т.к. сама множественность в пространстве выступает единством представленного.

А это означает ни что иное, что у всех представляющих в мире «я» должен быть один содержательный эталон (мера) интерпретаций содержания «времени» пространственной протяжённостью, и наоборот.

Этой мерой выступает некая скорость (способ интерпретации длительности времени через пространственную протяженность), которую мы именуем скоростью света.

Но мы поспешили со словом «свет», т.к. необходимость постоянства некой скорости для всех представляющих «я» не является только эмпирическим фактом, но и логическим следствием интерпретаций «времени» и «пространства».

В 1998 году Кристиан Маршаль [2] показал, что преобразование Лоренца выводятся непосредственно из принципа относительности и симметрий преобразований без постулирования постоянства скорости света. Постоянство некой скорости для

всех наблюдающих «я» является следствием транзитивности линейных преобразований.

Т.е. все релятивистские эффекты можно обосновать из чисто логических положений, без привлечения «объективности» физических свойств мира. Замечу, что время и пространство выступают здесь не как формы, а как их содержательные интерпретации, как и логические формы.

Смысл постоянства некой скорости для всех «я» не в «объективных» свойствах электромагнитного поля, а в том, что каждый из наблюдателей в различных инерционных системах должен одинаково интерпретировать время как длительность. Физическим выражением этой некой скорости, её пространственной интерпретацией является в нашем мире свойство электромагнитного поля. Где наблюдающее «я» становится просто наблюдателем в инерциальной (условие эквивалентности для всех «я» пространства вместилища) системе отсчёта. Отсюда и слово «свет». А эквивалентность интерпретации времени как длительности выступает тем, что у всех наблюдателей собственное время ни чем не отличается от собственного времени остальных.

Подробнее об этом я писал в своей работе «Вторая смерть кота Шрёдингера или парадокс одновременности в СТО» (2019) [3].

D) Временное толкование существования

Когда пространство начинается истолковываться временной перцепцией (другое утверждение гетерономных форм), что не так наглядно и труднее для представления, объекты в нём теряют определённость пространственной перцепции (координат) и возникает всем известная квантовая неопределённость микромира. И, следовательно, возникает случайность их восприятия в квантовых экспериментах.

Возникает вместо точки положения объекта волновая функция, коллапс которой при измерении (действие измеряющего «я» как формы времени) мгновенно происходит во всём бесконечном пространстве.

И релятивистский мир, и квантовая реальность имеют один и тот же исток в гетерономных формах (время и пространство) интерпретаций существования.

Я остановился на этих якобы физических частностях потому, что они являются базовыми структурами отражающими сущность времени и пространства как

форм толкования существования вообще. Сам наш мир говорит в этих формах о предельно существующем, подтверждая наше исследование.

Е) Источник мира Субъект

Но главное, за всем этим стоит «Я - Логос» как Источник (или причина), наполняющий формы времени и пространства их содержанием в наших толкованиях существования. Источник, рождающий множественность и единство всего существующего.

Этот «Я – Логос» именуется в религиозном языке тем, что создано в нас «по образу и подобию Бога», и тем, что в нашем мире познаётся как - «Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Евангелие от Иоанна 1:3).

Без этого источника никакое доказательство о предельном существовании, и никакое толкование о Нём не возможно. Сама возможность настоящего доказательства свидетельствует об этом.

Именно к Нему или через Него мы обращаемся к предельно существующему Богу.

На религиозном языке это выражается в следующей цитате.

«Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.» (Евангелие от Иоанна 14:6)

3 Критика доказательства предельно существующего

А) Ограниченность научного доказательства

Первая реакция человека с научными предрассудками будет такой – да какое же это доказательство?! Чем оно верифицируется? Только самим собой!

Совершенно верно. Любое научное доказательство по своей сути не применимо к нашему предельному вопросу о существовании.

Рассмотрим форму математического (аксиоматического) доказательства. Теорема считается доказанной, если её содержание логически точно выводится (демонстративно истолковано) из принятых аксиом.

Аксиомы же выносятся (забвение МД [1]) из круга того, что требуется доказать. Считаются интуитивно не опровержимыми. Т.е. для них в созданных практиках (языковые игры МД [1]) не найти осмысленного опровержения, т.к. любое предполагаемое их опровержение обессмысливает эти языковые игры в нашей практике. Вспомните, о чём я писал выше - почему молчит Бог. Выявленное устраняемое действие толкований (оно же основание) обессмысливает необходимость содержания, т.к. его устранение из содержания, как его действие, и даёт смысл необходимости содержания в наших языковых играх.

В математическом формализме Бурбаки предельным интуитивным понятием является пустое множество. Из него пытаются вывести всю математику. И это может получиться, пока не спросим о самом пустом множестве.

Что это такое? Ответ – множество, совпадающее со всеми своими подмножествами. Последние слова «совпадение», «подмножества» тут же неявно притаскивают все непустые множества, соответствия между их элементами и т.п.. Всё то, что нужно только вывести из пустого множества. А это формальна логическая ошибка – ошибка порочного круга в определении, circulus in definiendo. И на неё с необходимостью закрывают глаза (забвение-вытеснение), иначе просто придётся замолчать и устраниться, как Богу (см. выше).

Но наш предельный вопрос как раз и полагает такое выявление устранённого основания-действия. Поэтому мы получили его в форме противоречия.

Словесные интерпретации это репрезентируемые эпифеномены самих действующих интерпретаций, того, что в МД [1] именуется индексалами – то содержание, которое невозможно истолковать без его же демонстративного осуществления в нашей жизни. Попробуйте истолковать «значимость» или «я» без значимых слов и толкующего я.

В) Некорректность формальной логики

Ваш вопрос это противоречие, а из противоречия можно вывести любое, как ложное, так и истинное утверждение. – Так может возразить формальный логик.

На формальное возражение можно ограничиться и формальным ответом.

1 Парадокс материальной импликации говорит, что «всё что угодно» следует из ложного или противоречивого утверждения, а мы в основании исследования положили вопрос.

2 Импликация предполагает условность вывода, «если. . . , то. . . ». В нашем же случае предельного вопроса никакое альтернативное «если» неуместно, абстракции предельно существующего чего-либо противопоставляется только одно – абсолютное Ничто.

Но я не буду ограничиваться формальной отпиской, хотя и её достаточно.

Логическая форма как действие – это индексал (МД [1]), её содержание невозможно понять без её осуществления.

Что такое противоречие как действие? Это когда утверждение по осуществлению толкования в этой же форме приводит к противоположному выводу, исключая своё основание как истинное.

Где же здесь индексал? В отрицании – «не», «исключении» и т.п..

Суть противоречия в демонстрации этого «не». Суждение отрицает само себя. Демонстрирует собой смысл «не». Нельзя отрицание объяснить без его демонстрации в этом объяснении.

Но в формализме, на страницах статей и книг, мы имеет дело не с индексалами, а с их репрезентативной представленностью формы в словах и знаках наших научных «языковых игр». В их символьном выражении словами и знаками.

Так истолкованная форма помещает своё содержание в мир пространства и времени в их содержательной части, в мир объектов и субъектов, что исключает постановку нашего предельного вопроса о существующем чего-либо.

И не имеет никакого отношения к нашему исследованию.

Противоречие, как индексал, предельного вопроса о существовании является действие дающим смысл последующим моим утверждениям.

Мы не можем отвергнуть его как ложное не только по формальным причинам, но и потому, что «истинное» и «ложное» это отношения во времени и пространстве нашего мира. Отношение субъектов и объектом в мире.

В предельно существующим, где сказанное (это вынужденный эвфемизм) и осуществлённое не разделимы, «истинному» и «ложному» нет места, там есть место только СМЫСЛАМ.

Там даже нет места для «бессмысленного», - абсолютное Ничто невозможно, там всё имеет смысл. Так как всё осуществляется даже как явное противоречие.

С) Суть нашего доказательства

Сущность нашего доказательства в том, что в его основании положен анализ собственной нашей рефлексии существования без привязки к свойствам нашего «я». Об этом было сказано с самого начала.

Рефлексия сознания была перенесена на предельный вопрос о существовании и была и рассмотрено как неустранимое противоречие.

Достоверность этого рассмотрения тождественна достоверности нашего существования для нас самих, осуществляемого нами и в нас здесь и сейчас. Более твёрдого основания не существуют. Даже доказательства, основанные на математической аксиоматике, слабее (см. выше).

Но вот это «здесь и сейчас» выступает как самое слабое место доказательства, если оставаться на старых метафизических представлениях о мире и бытии. Если использовать традиционные категории «формы», «содержания», «пространства» и «времени». Они сразу возвращают наш предельный вопрос в область субъект-объектных отношений пространства как вместилища существующего в бытии и времени как его истории, демонстрируемой изменчивостью бытия, движением по отношению к прошлому и будущему. И здесь «время» остаётся самым тёмным понятие со времён Аристотеля и блаженного Августина, как и до сих пор.

Чтобы преодолеть это затруднение, мне удалось в «Метафизике достоверного» [1] создать новую систему метафизических категорий и понятий, основанных не на представленности сущего в его бытии, а на самой рефлексии существования.

Время и пространство стали гетерономными формами интерпретаций существования, появились индексальные и репрезентативные высказывания, бытие и сущее производными от них игровыми понятиями толкования существования вообще, центральными метафизическими категориями стали память и забвение, и т.д...

Именно в этой, мной созданной, системе метафизических категорий доказательство существования Бога приобретает необходимость вывода. Само действие вывода продемонстрировано и на этих страницах, и на страницах «Метафизики достоверного» [1]. Корректно формализовать его, как математические доказательства, нельзя, но можно продемонстрировать.

Так как сам мой вывод несёт сущность индексала. Индексала такого же, как «я», «это», «не»... Его невозможно корректно объяснить без самой демонстрации его живого действия в этом объяснении.

D) Что было доказано

«Началом» (истоком) предельного существования является не что-то налично (старая метафизика) существующее, а невозможность абсолютного Ничто, невозможность Несуществования вообще. Не присутствие, а невозможность отсутствия.

Движущей силой этого предельного существования является возникающее из этой невозможности противоречие, т.е. то, что в нашей старой традиции мы именуем сознанием.

Это противоречие имеет характер СМЫСЛА, репрезентирующего себя во всевозможных формах существования.

В наших формах пространства и времени происходит разделения содержания и формы, как субъектность присутствия некоего « Я – Логоса». Появляется сущее (время) в его представляющем бытии (пространство). Время и пространство в бытии становятся содержанием существования, его неотъемлемой атрибутикой.

Сущность субъектности «Я – Логоса» является той же самой рефлексией самосознания нашего «я». Иначе мы о нём ничего бы не знали, даже в предельно абстрактном смысле.

Никакое инертное или материальное «начало» не может быть основанием для предельно существующего.

«Возникает» сразу Жизнь и Смысл, и «после» (приходится пользоваться этими эвфемизмами - нашего времени ещё нет) бытие и сущее в нём.

Что совершенно не вяжется с метафизическими основаниями бытия нашего я.

Е) Что же мешает принять это доказательство?

Наше я – плод языковых игра традиционной метафизики Бытия и Сущего.

Но не надо мыслить метафизику как что-то придуманное при каталогизации трудов Аристотеля. Метафизика это содержание базовых смыслов формы нашей субъектности в его бытии (или практике). А это было и до Аристотеля с незапамятных времён, и есть после него.

Наиболее глубинным смыслом формы нашей субъектности выступают причинно-следственные отношения мира представленного сущего (объект) перед осознающим я (субъект). И, кажется, что эту форму в этих смыслах преодолеть человеку невозможно. Особенно в той части, что мы привыкли называть объективной реальностью.

Затем возникают смыслы (не обязательно вербально выраженные), мотивирующие человека к продолжению жизни и деятельности ради неё, или к её прекращению.

Они могут иметь осознанный или неосознанный (инстинкт) характер. Характер удовольствия и страдания. Угрозы и спасения.

Осознание их целостности может менять их иерархию, вытесняя одни, и заменяя другими.

Будем это называть сменой типов субъективности нашей формы существования.

Типы эти формируются в языковых играх (МД [1]).

Содержание этих игр никак нельзя с достоверностью вывести и предельно существующего Бога, т.к. выявление Его (как действия интерпретаций) просто их обессмыслит. Поэтому возникает по отношению к ним слово «вера».

Вера не только то, что не имеет достаточного основания для собственного обоснования со стороны сомневающихся и неверующих людей. Вера это то, что формирует типы субъектности в наших играх бытия.

Формирует их, живёт ими, и, рано или поздно, в синтаксисе языковых игр (в их рефлексивной критике) пытается выявить смысл устраняемого в содержании ве-

рований действия их интерпретаций, - тот смыл, устранением которого верования и держаться как достойные истинного признания.

В результате синтаксис (МД [1]) языковых игр приводит к смене типов субъективности. Ницше – обесценивание высших ценностей.

Далее пойдёт речь не о необходимость, доказуемости, содержания верований, это невозможно, выявляемая необходимость обесценивает их как достоверные возрения.

Речь пойдёт, как предельно существующее репрезентирует (МД [1]) себя в базовых воззрениях веры на примере христианства.

Зачем это нужно?

Раз предельно существующее, как было доказано, носит сущность (вынужденный эвфемизм) действия живого СМЫСЛА, то оно, ВОЗМОЖНО, в репрезентациях себя как смысловой формы, «говорит» с нами в наших языковых играх через тот «Я – Логос», родственной с нами формами толкования существования – формами времени и пространства.

Здесь основания всякой религиозности.

4 Христианство как языковая игра

А) Троица

Троичная структура предельно существующего Бога-Отца уже была выражена ранее в моём доказательстве.

Бог-Отец как Сам неустранимо возникающий и присутствующий всюду СМЫСЛ.

«Я – Логос», Он же Бог-Сын, разделяющий формы предвечного СМЫСЛА на наши игровые понятия «формы» (пространство и время) и «содержания» (множественный мир). Рождающий форму субъектности существования в её интерпретациях - бытие и сущее (пространство), причина и следствие (время), субъект и объект (сознание).

Святой Дух как устраняемый смысл действия интерпретаций рождённых форм, то, что связывает бытие и сущее, объединяет меру времени в единый поток истории

бытия, определяет единство сознания нашего «я» во множественности осознанных объектов, как вымышленных, так и реальных.

На языке традиционной метафизики бытия и сущего то же самое может быть выражено следующим образом.

Чтобы быть осознано единым истоком бытия, Богом или человеком, - а это в нас то, что создано по образу и подобию Бога, - надо:

1) ощутить его как начало существования (Бог – Отец), что «я есть»
2) что осознание (рефлексия в Логосе, в слове) этого «начала» имеет прямое отношение к моему Я, к моему осознанию «я есть» (Бог – Сын), и
3) и что понимание этого единства (начала и Я) есть Их связующее действие (Бытие) неотъемлемое от них, но всё время ускользающее из рассмотрения (Бог Дух Святой).

Это не что иное, как описание рефлексии нашего самосознания как существующих «я» в этом мире. Той формы существования, что рождает «Я – Логос», - через Него всё начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. И в самом этом Логосе есть та же форма, как и наше «я», поэтому я пишу «Я - Логос».

Отец, Сын и Дух не родовые или причинно-следственные отношения, выраженные в этих знакомых словах, а рассмотренные выше логические структуры, выраженные в мифологических образах.

Триединство этой структуры не количественная категория, Бога нельзя сосчитать даже один раз, поскольку счёт помещает Его в наше пространство и превращает в идола, а нас считающих полагает вне Его, т.е. вне нашего собственного существования, что в нашем мире невозможно.

Это единство трёх моментов нашего анализа, а не самого Бога, вне времени и пространства, вне счёта. Единство Самому Себе в Вечности СМЫСЛА, как едино наше Я и его осознание себя существующим этим Я, одно без другого просто немыслимо, нет такого образа мышления или существования - это и есть образ и подобие Его в нас.

Эта структура рефлексии нашего самосознания, волей или неволей, отражена

не только в Толедоте Торы, - «сотворил Боги (несоответствие единственного и множественного числа) небо и землю», «и Дух Божий носился над водою», «сказа Боги» - кому, самому себе?

Но и у индусов – Тримурти.

В Коране - Аллах, Мать книги, Дух (Коран, 17: 85).

В теологиях и космогониях греков - хаос, теос, космос.

Везде, где более или менее глубоко пытаются осмыслить, что такое существование вообще.

Поэтому когда говорите о Едином Боге (таухид у мусульман и единство иудеев, у которых Бог сосчитанный идол) вы неявно подразумеваете эту триединую структуру (Пресвятую Троицу) существования чего-либо вообще.

Единство Бога - это «здесь и сейчас» творящееся единство осознания Бытия чего бы то ни было, тождественное с ним (с Ним).

В) Вочеловечивание и искупительная жертва Христа

Самой отличительной чертой мной здесь доказанного Бога является Его ограниченность невозможностью собственного Небытия, абсолютное Ничто невозможно.

Бог не всемогущ, Он не может не существовать. Он принуждён жить.

С другой стороны, СМЫСЛ, как и Его же возможность СМЫСЛА, вне нашего времени и пространства, это одно и то же, предполагают существование всего возможного. Его всемогущество.

И это то же самое противоречие невозможности Ничто как источника предельно существующего Бога. Это противоречие можно истолковать как предвечную трагедию СМЫСЛА.

И оно должно быть разрешено в создании мира или миров всего возможно существующего СМСЫЛА.

В этом мире, или мирах, Предельно существующий Бог, говоря языком Гегеля, снимает своё противоречие в Смерти нечто существующего, но всё-таки не в абсолютном Ничто.

Это существующее и уготовленное к Смерти нечто должно иметь ту же форму

субъектности (конечности) существования, как и «Я – Логос», но дающие место в своём бытии Смерти, т.е. СМЫСЛ должен вочеловечиться в полноте жизни человека и в его трагедии смерти.

Почему же Бог должен вочеловечиться в одного человека, а не во всё человечество? Тем более триединая форма рефлексии СМЫСЛА живёт повсюду и всегда в нас и нами.

Суть ответа в том предвечном противоречии предельно существующего, которое мы выше именовали ТРАГЕДИЕЙ. Это одно и то же противоречие.

«Всем вместе умирать не страшно» - это не только психологический аспект разделённой ответственности, это выражение несоответствия множественности существующего в мире с точечной перцепцией формы существования этой множественности как формы «я».

Человечество не вмещает в себя ТРАГЕДИЮ, трагедию вмещает человек.

Бог вочеловечился, вместив в человека всего Себя как трагедию собственного предельного существования.

Нет блаженного и предвечного Бога, такому богу ничего не надо.

Есть предельно существующее в аспекте трагичности своего противоречия невозможности абсолютного Ничто.

И это трагедия снимает необходимость любой теодицеи. Оправдывать можно идола. Бога нет. Его трагедия это форма нашей трагедии смертности (греховности), без которой нас нет и быть не могло.

Почему именно Иисус Христос, почему в то время и в том месте произошло вочеловечивание, спрашивать бессмысленно? Вопрос имеет смысл только для предельно существующего Бога.

Бог органичен своей смертью в невозможности Ничто. Это принуждение к существованию. Насилие как закон существования мира.

Чтобы преодолеть эту ограниченность насилием существования и реализоваться как Абсолюту, не раздираемому этим противоречием-трагедией, Бог должен умереть как человек, реализовать своё трагедийное Ничто во времени и простран-

стве, иначе никак.

Для этого и созданы мы как Его образ и подобие - в структуре нашего самосознания как существующих «здесь и сейчас» я.

Разрешением этому будет, или должно быть, Воскресение и Вечная жизнь новых миров в ином основании существования СМЫСЛА, без этого ограничивающего Бога противоречия с невозможностью абсолютного Ничто, уже не во времени, а в Вечности.

Обосновать необходимость этот невозможно, можно только реализовать.

Мы спасёмся потому, что и Бог будет жить вечно без Своего противоречия в Вечности.

В нашем спасении больше речь идёт о Боге, чем о нас самих.

С) Личностное спасение

А что такое наше спасение? Какие основания для нашего спасения? Как они возникают из репрезентаций предельно существующего СМЫСЛА в содержаниях нашей жизни?

С первым вопросом ясно.

Спасение в том, чтоб жить вечно, не очень и очень долго, а бессмертно, чтоб ни мы сами, ни Сам предельно существующий Бог не смогли нас лишить жизни. И чтоб жизнь исключала содержательный трагедийный аспект для нас.

А это означает только одно - трагедийный аспект СМЫСЛА должен быть устранён и это устранение связано с нашим спасением. Следовательно, и раздельность формы существования нашего «я» и его репрезентирующего содержания должны быть изменены, в соответствие с новым качеством предельно существующего СМЫСЛА.

Что это такое сказать и помыслить нельзя, т.к. такое мышление сразу нас помещает в новые формы существования. Спасение совершено! Но этого ещё нет.

Но есть подсказка.

"20. Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас. . . "

(Ев. от Матфея 17:20)

Но это не что иное, как слитность формы и содержания в нас самих. То, что было изначально предельно существующим Богом.

Это не снятие трагедии СМЫСЛА, это перемена местами нас и Бога.

Вочеловечивание Христом это совершило.

Это невозможно доказать, но это соответствует репрезентации рефлексии существования.

Бог стал человеком, но человек не стал Богом

Остаётся одно, человек-человечество должно стать Богом. Спасение человека без спасения человечества невозможно, как невозможна точка перцепции без окружающего её множественного пространства. Нечего будет воспринимать.

Человек должен изменить свою форму субъектности, не тип, а форму субъект-объектных отношений с миром. Об этом вышеприведённая цитата.

Как это возможно? Через веру. Но не через ту веру как согласие с чем-то и приятия чего-то. А веру как практику жизни, меняющей тип субъектости «я» и в сознании, и в поступках.

Итогом этой смены должна быть полная смена формы нашего существования, отрицающая нынешнюю форму и нашу жизнь.

На это указывает другая цитата.

"25. С Ним шло множество народа; и Он, обратившись, сказал им:

26. если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником. . . "

(Ев. от Луки 14:25,26)

Из которой непосредственно следует, что первоначальной и необходимой интенцией к Христу, началом пути к спасению, будет не любовь, а ненависть к самым сакральным ценностям нашей земной жизни – мать, отец, дети.

Целевой установкой такой ненависти, её смыслом, будет сама наша жизнь. Та её форма и её типы субъектности «я», которые непреодолимой стеной законов земного бытия стоят на пути к нашему спасению. Это не моё мнение, это слова евангельского Христа.

Почему в цитате упомянуты мать, отец, братья, дети? Это символы мотивирующих смыслов к существованию, воспроизводящих нашу жизнь в установившейся форме субъектности «я» и в её типах.

Сразу возникает возражение, а не говорил Христос «почитай отца и мать» (Ев. от Матфея 15:4), не противоречие ли это?

Нет, он говорил это или книжникам, или начальствующим, или юноше-иудею, который заплакал, но не из-за денег, а из-за того, что соблюдение этой и иных заповедей не приводит к спасению, по слова Христа. Т.е. людям старого типа субъктности, людям заповедей.

Ученикам же своим или тем, кто хотел быть ими, людям наступающего типа субъектности, говорил совсем иное – «предоставь мёртвым погребать своих мертвецов» (Ев. от Луки 9:60).

И так по всем существенным вопросам по все четырём каноническим Евангелиям.

Людей старого типа, без ненависти к самой жизни, не переделать. С ними бесполезно говорить о новом. Их мотивировки к жизни препятствия к смене типов субъектности, а значит и к смене её формы.

С погружённостью в них эти люди не на пути к спасению, не на пути к смене формы субъектности.

D) История спасения как история смены типов субъектности «я»

Фундаментом положительной мотивировки к жизни всех типов субъектности «я» нашей формы существования (отношения субъекта и объекта) будут смыслы базовых категорий - **иметь, получать, добывать, воспроизводиться, создавать**. И смыслы всех производных понятия от них, – любовь, грех, страх, удовольствие, гордость...

Это всё положительные мотивировки, но суть трагедийного противоречия СМЫСЛА репрезентирует себя и в отрицательных мотивировках. Танатосом, стремле-

ниями к смерти, постоянно вытесняемыми, табуированными, как невозможность Ничто, из социальной жизни людей.

Именно они и толкают к ненависти к самой жизни, по словам евангельского Христа. Именно они указывают на путь к спасению.

Это репрезентировано в смерти вочеловеченного СМЫСЛА, не просто в умирании, а в позорной казни, как плевок в лицо покидаемой жизни. Где непонятно, то ли люди Его казнили, то ли Он Сам организовал свою казнь через вторые руки.

Ведь за несколько часов до неё, по словам Евангелия от Матфея, Христос фактически отказался что-либо делать, чтоб предотвратить расправу над собой.

> "52. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут;
>
> 53. или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?"
>
> (Ев. от Матфея 26:52,53)

Это добровольный выбор к смерти. Что было мотивировкой Христа к этому? Изначальное преодоление принуждения к существованию СМЫСЛА через смерть в бытии конечного.

Трагизм Бога в невозможности Смерти, трагизм человека в невозможности вечной жизни.

И это не только результат или произвол моих исследований, что-то подобное было известно и в Древней Греции, до Христа. Так как эта сторона существования СМЫСЛА не могла себя не репрезентировать в иных философских анализах.

> "Бессмертные — смертны, смертные — бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают."
>
> (Гераклит Эфесский, 544 – 483 гг. до н.э.)

Хотя Гераклит Тёмный мог иметь в виду и иное, но форма СМЫСЛА, в аспекте её трагичности, репрезентирована в содержании цитаты та же и так же. К слову, по преданиям, смерть Гераклита Тёмного бала тоже неким прощальным плевком в жизнь.

Смена типов субъектности выражается в смене интерпретаций базовых категорий, в смене их иерархической взаимообусловленности в системе положительных

мотивировок к жизни.

А история человечества с его страстями, достижениями и падениями.

Она нас здесь не интересуют. Её можно проследить в аспекте репрезентации форм СМЫЛА по трудам Гегеля, Ницше, Шпенглера и т.д.

Нас интересует одно – как смена иерархий наших базовых положительных мотивировок к жизни может привести к смене самой формы нашей субъектности?

Ответ – никак, если не брать в рассмотрение отрицательные, вытесняемые мотивировки к прекращению нашей жизни.

Но и тут ответ не может быть положительным, мы находимся вне этой новой формы, мы даже представить её не можем. Знаем только интуитивно – про перемещение гор по слову.

Единственное, что мы может это понять, как смена типов субъектности может привести к уничтожению нашей формы «я», т.е. к собственной смерти человечества. К Жертве человечества ради новой жизни, если это возможно.

История человечества должно закончиться сознательной Жертвой самих себя ради жизни Бога. Не тихим умиранием, не из-за внешней катастрофы, а результатом осознанных коллективных действий всего человечества как единого целого.

Вочеловеченный Бог умер за всех, все должны умереть за Бога.

Здесь видится замыкание герменевтического круга (МД [1]) или в форме тавтологии (смерть, невозможность Ничто и всё заново или «то же самое» в его неразличимости, забвении всего), или в форме парадокса, который даёт возможность для нового качества СМЫСЛА в рефлексивной демонстрации СМЫСЛА для СМЫСЛА (здесь нет репрезентации, здесь только аналогия).

История человечества это история жертвенности человечества. И на основании развития нашей цивилизации за последние 2000 лет можно с высокой долей вероятности предполагать, что ключевую роль в этом сыграет то, что мы именует сейчас техникой.

Техника репрезентирует человечество в его синтаксически обналиченной (МД [1]) форме и даёт основание для следующего рефлексивного круга существования.

Здесь есть надежда, в другом нет.

Техника просто убьёт человечество в круге тавтологий, в круге утверждённой истинности старой метафизической структуры бытия и сущего, но она несёт надежду в круге парадокса.

Ссылки

1 Сурин С.Ю. «Метафизика достоверного» - 1996, Нижний Новгород, https://archive.org/details/MetaphysicsReliable или https://zenodo.org/records/15664492

2 Маршаль К. «Решающий вклад Анри Пуанкаре в специальную теорию относительности» - Институт физики высоких энергий, Протвино 1999, C.Marchal-DES, ONERA-BR 72-92322 CHATILLON CEDEX-FRANCE

3 Сурин С.Ю. «Вторая смерть кота Шрёдингера или парадокс одновременности в СТО» - 2019, https://archive.org/details/20190812_20190812_0738 или https://zenodo.org/records/16414456